

© 2023 г.

С.В. РЯЗАНОВА, А.В. МИТРОФАНОВА

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ «ПЕРМЬ-36» В ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ОКРЕСТНЫХ ДЕРЕВЕНЬ

РЯЗАНОВА Светлана Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ПФИЦ УрО РАН, профессор кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета им. акад. Д.Н. Прянишникова, Пермь, Россия (svet-ryazanova@yandex.ru); МИТРОФАНОВА Анастасия Владимировна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (avmitrofanova@fa.ru).

Аннотация. Качественное исследование выявляет специфику коллективной памяти жителей деревень Пермского края об исправительно-трудовой колонии, на месте которой открыт музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36». Местные жители отказываются выступать в качестве свидетелей жизни колонии, формируя взамен образ собственной жизни, полной подневольного труда, бытовых трудностей и нехваток. Колония в их памяти – это чуждый, непроницаемый объект или место сосредоточения новых технологий и материального достатка, контрастирующее с жизнью колхозников. Мемориальный музей, в экспозиции которого их точка зрения не представлена, в их глазах – это посягательство на их собственную историю. Рассмотренный случай демонстрирует, что из национальной исторической памяти исключены воспоминания социальных групп, вынужденно свидетельствующих о своем травмирующем опыте косвенным путем. Пока эти группы лишены возможности осознать и сконструировать собственную версию культурной травмы, авторы считают невозможным создание национального объяснительного нарратива XX века.

Ключевые слова: исправительно-трудовая колония (ИТК) • политические репрессии • Пермь-36 • культурная травма • коллективная память • свидетельство • политика памяти

DOI: 10.31857/S013216250026589-0

Введение. Травмы политических репрессий XX в. до настоящего момента не осмыслены полностью российским обществом. Теория культурной травмы, как основа нашего исследования, предполагает, что придание смысла пережитым страданиям является необходимым условием сохранения идентичности сообщества и его консолидации [Alexander et al., 2004]. Проблемность конструирования консолидирующей культурной травмы на основе совместно пережитых трагических событий делает невозможным создание единого национального объясняющего нарратива [Митрофанова и др., 2022; Богатова и др., 2022]. Конкурирующие варианты культурной травмы отражают представления о смысле репрессий, присущие разным мнемоническим акторам («ленинская гвардия», «верующие», «интеллигенция», «предприниматели» и т.д.); каждый из них при этом

стремится вытеснить чужие интерпретации прошлого. Стихийная конкуренция вне рамок единой политики памяти ведет к тому, что сильные акторы подавляют версии слабых. Крестьянство можно считать наиболее слабой группой. Его возможности самопрезентации изначально ограничены: крестьяне, за редкими исключениями, не оставляют мемуаров и дневников. О советских лагерях почти нет воспоминаний крестьян, поскольку основная масса авторов, оставивших свои версии прошлого, это «партийные и советские работники среднего звена или представители городской советской интеллигенции» [Щербакова, 2013: 38]. Мало внимания уделялось и уделяется тому, как крестьянство – уже коллективизированное – воспринимало советскую репрессивную систему послевоенного периода. Исключение – работа И.Е. Козновой о преломлении коллективной памяти в индивидуальной применительно к населению «староевропейской» России, где в качестве источника использованы интервью с сельскими жителями, позволяющие делать выводы о позиции крестьянства по тем или иным вопросам; автор отмечает, что эго-документы другого рода часто публицистичны и идеологизированы [Кознова, 2000: 33]. Исследования логики взаимодействия власти и крестьянства в разные периоды советской истории посвящены только внутренней жизни села [Бабашкин, 2011; Гончарова, 2011; Кознова, 2011]. Ценный эмпирический материал содержится в сборнике интервью В.Е. Прохорова [2009]. К сожалению, в нем практически неохваченными исследованиями оказались социальные феномены за пределами обыденной крестьянской жизни, но иногда попадавшие в сферу внимания и социального взаимодействия селян. До настоящего времени «крестьянство остается безмолвствующим» [Кознова, 2000: 32].

В данной статье проблема рассмотрена на примере памяти жителей близлежащих деревень об исправительно-трудовой колонии (ИТК), функционировавшей на одном месте (поселок Кучино, Пермский край) с 1946 по 1988 г. В 1946–1953 гг. колония не имела политического профиля. В ней содержались, в основном, осужденные за административные и уголовные преступления; специализацией была заготовка леса [Обухов, 2010]. Затем колонию перепрофилировали для содержания бывших сотрудников правоохранительных органов, в этом качестве ИТК функционировала до 1972 г. [Обухов, 2016], после чего стала местом содержания осужденных за разные виды антисоветской деятельности. Новые колонии политического профиля должны были разгрузить исправительные учреждения в Мордовии. В колониях Пермского края (ИТК-35, -36 и -37) содержались диссиденты и противники советской власти. На базе этих колоний в середине 1990-х гг. был создан музей, в настоящее время – государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий “Пермь-36”». Как место травмирующих событий данная ИТК неоднократно становилась основой конструирования образов, с помощью которых происходившее здесь наделялось смыслами и исторической ролью. Пространство памяти в Пермском крае представляет собой поле битвы вариантов прошлого, устойчивость которых зависит от того, какая из продвигающих их групп более активна и стабильна.

Основным мнемоническим актором стали бывшие политические заключенные и сочувствующие им постсоветские правозащитники. Противовесом им относительно успешно выступили ранее работавшие сотрудники охраны, один из которых создал альтернативный музей [Рязанова, Митрофанова, 2022]. Другие активно давали интервью, представляя травмированной группой скорее себя, чем заключенных¹. Лишь жители окрестных деревень не представили обществу свой образ колонии, хотя они – единственная социальная группа, чья коллективная память охватывает весь период ее существования. Современные классификации [Boltanski, 1999] выделяют в травмирующих событиях три основные группы: жертвы, исполнители, свидетели. Местные жители относятся

¹ Волгина О. Бывший надзиратель «Перми-36» уличил «Пилораму» в фальсификации истории // АиФ-Прикамье, 25 июля 2012 г. URL: <https://perm.aif.ru/culture/details/122423> (дата обращения: 22.02.2022).

к последней (некоторые и ко второй, так как работали в ИТК) категории. Как «свидетели» большинство из них внесены в опросные листы. Но так ли это?

Целью данной публикации является выявление специфики коллективной памяти о конкретной ИТК местным сельским населением, что, на наш взгляд, может пролить свет на восприятие послевоенным крестьянством институтов репрессивной системы. Авторы ставят проблему обеспечения равных возможностей социальным группам представить собственные варианты трактовок травматизирующего прошлого.

Методология исследования. Основой исследования является корпус из 40 интервью с жителями деревень Пермского края (Кучино, Борисово, Копально, Мохнутино), собранных в 1990-х – середине 2000-х гг. сотрудниками музея «Пермь-36» по собственному гайду, хранящихся в его архиве. Задачей интервью был поиск исторических фактов об ИТК и о заключенных в формате устной истории. Вопросы о личных биографиях крестьян носили ограниченную цель установления их надежности как источников. Данные населенные пункты были выбраны, так как находились в непосредственной близости от колонии, что повышало вероятность информированности колхозников о лагере и вовлеченности в его жизнь. Интервьюирование предполагало сбор личных впечатлений и информации о колонии от непосредственных свидетелей/участников событий без указания конкретного исторического периода. Выборка формировалась по методу «снежного кома»: следующего участника опроса указывали респонденты. В ходе интервьюирования не учитывался возраст или гендер: требовалось только желание общаться с интервьюером и наличие знаний о любом аспекте жизни лагеря. Длительность интервью составляла от 15 минут до двух часов. В присутствии двух и более респондентов (обычно – супругов, редко – соседей) интервьюеры не находили возможности опрашивать каждого участника беседы по отдельности, что, с одной стороны, дает возможность анализа сторонних комментариев, с другой – ограничивает высказывания респондента. Интервью были полуструктурированы, допускался отход от фабулы повествования, если такое желание высказывал респондент.

Интервью не были анонимными, почти во всех случаях фиксировались имя, пол и приблизительный возраст респондента (в данной публикации, из соображений этики, авторы анонимизировали интервью с использованием кодирования на основе инвентарных номеров в аудиоархиве музея). Достоверно фиксируются место проживания, занятость, уровень информированности по поводу ИТК. Большинство участников опроса – пожилые люди, прожившие в данной местности всю жизнь. Поскольку специально вопросов, касающихся времени событий, интервьюеры не задавали, установить, о каком периоде существования колонии идет речь, можно по косвенным признакам (например, если респондент упоминает женщин-заключенных, дело, вероятно, происходит в 1946–1953 гг., когда в лагере содержались заключенные обоих полов). Интервью транскрибированы дословно с сохранением диалектных слов, речевых ошибок, повторов; нецензурные выражения замаскированы; отмечены паузы, эмоциональные реакции и невербализованные звуки.

Работа с интервью заключалась в качественном анализе контента с выделением смысловых блоков и отдельных предложений, которые затем распределялись по ряду категорий, в совокупности отражавших восприятие лагеря и колонии в коллективной памяти местного сельского населения. Использование качественных методов предполагало элементы герменевтического живания в информацию, получаемую от респондента. Интерпретация каждого конкретного случая осуществлялась через структурирование и оценивание содержащейся информации [Mayring, 1983]. Помимо анализа содержания интервью, осуществлялась рефлексия по поводу процесса интервьюирования, характера задаваемых вопросов и полученных ответов. Учитывался тот факт, что опросы производились в период обостренного общественного внимания к теме политических репрессий, на фоне создаваемого СМИ безусловно положительного образа заключенных и отрицательного – советской пенитенциарной системы, что не могло не влиять на содержание ответов респондентов. Для более объемного представления о затронутых проблемах дополнительно проведены в 2022–2023 гг. интервью с экспертами, имевшими отношение

к сбору интервью с деревенскими жителями, а также к созданию (функционированию) музея «Пермь-36». Эти интервью также анонимизированы. Исследование не предполагало сбора и анализа количественных данных.

Отказ от свидетельства. Специфика жителей деревень, точнее – жительниц, так как, по словам одного из экспертов, *«дедушки-то не дожили до того времени, как мы до них доехали»* (BX-74), как мнемонических акторов заключается, прежде всего, в отказе от какого-либо свидетельства об ИТК, несмотря на жизнь, проведенную в непосредственной близости к ней, и на то, что многие жители деревень или их родственники работали в колонии: *«Не интересовало нас. Были там заключенные. На лесозаготовках работали... Зона и зона. Сидели и сидели»* (BX-19) или *«Знали, что колония, там сидят, ну мало ли у нас в Пермской области колоний... не знаю, не интересовалась»* (BX-6). Любопытство атрофируется под напором жизненных обстоятельств: *«Мы работали – некогда было узнавать»* (BX-21). Смерть заключенных казалась в той же мере неинтересной: *«Я знала, что они на кладбище были, все знали... а где они останавливались, я не знаю, не слыхала»* (BX-1). Это безразличие оборачивается безымянностью пострадавших от репрессий, поскольку память фиксирует место захоронения, но не наделяет его значением: *«А черт его знает... что раньше... Не знаю, даже внимания ведь не обращали, куда они их ложили, кто-то помнит... то ли заключенный, то ли какой...»* (BX-1). Отсутствие интереса в сочетании с незнанием формирует у «свидетелей» лапидарные формулировки по отношению к ИТК: *«Откуда, черт знает... разве разберешься...»* (BX-1).

Под нажимом интервьюеров, формально говоря о заключенных, местные жители рассказывают о себе. Лично их ИТК интересовала только как потенциальный источник угроз: *«сначала боялись, конечно. Заключенные, что-нибудь сделают. Но охрана была сильная...»* (BX-33). При этом страх не является ведущим чувством: *«Шибко-то не боялись. Они ведь не делали здесь нарушений»* (BX-7). Самым ярким в интервью оказывается ощущение собственной защищенности: *«Нас они даже никого не грабили, ничего... Попросят поесть, сами добровольно не брали ничего... они были очень миролюбивые, дружелюбные люди... Их мы не боялись»* (BX-2). Поскольку вреда от заключенных не было, последние наделялись и положительными чертами: *«Я работала в школе в Мохнутино, они меня даже возили... околицей... вот они увидят, по дороге идет, сразу садят»* (BX-2) или *«Я вот когда ходила в магазин, ни одного плохого слова от них не слышала... Очень даже хорошие люди были. Всегда по-хорошему. Не знают – а всегда здоровались»* (BX-5). Мы полагаем, что положительный образ заключенных, контрастирующий с доминирующим полным равнодушием, является результатом воздействия общественной атмосферы 1990-х гг., когда последние все больше становились объектом сочувствия: «знание прошлого и настоящего продуцируется современной жизнью» [Кознова, 2000: 21]. Это нашло отражение в рассказах: *«и со мной трое сели, сидели уже, я вижу, что заключенные... расслабились... и милиция взялась за них там же железнодорожная. Я... за них заступился...»* (BX-2). Такого рода позитивные воспоминания, появившиеся после массированного информационного воздействия начала 1990-х гг., описывает болгарская исследовательница Д. Колева [2020], анализируя воспоминания об исправительном лагере «Белене».

Островок цивилизации. Уклоняясь от описания известных им реалий жизни ИТК, рассказчики делают акцент на материальном благосостоянии: *«Дома были построены хорошие ... квартиры были хорошие ... в поселке, было чисто, хорошо. Был свой магазин, была своя столовая, бухгалтерия была большая... Клуб там у них был, хороший клуб был, дорога была хорошая»* (BX-4); или *«А когда там колония была, поселок был богатый, хороший такой. Там и солдаты были, и заключенные, солдаты охраняли. Они ставили концерты такие хорошие»* (BX-38). Многократное повторение слова «хорошо» в отношении благоустройства указывает больные точки деревенского быта с домами без удобств и дорогами без асфальта: *«...ничего такого страшного-то не слышали... там были даже какие-то прогулочные дорожки... там, цеха, какие-то корпуса... не знаю, не интересовалась»* (BX-6). В таком ракурсе колония превращается в островок цивилизации и технологий,

недоступных селянам: «Там были очень хорошие машины, трактора, машины очень хорошие были, сильные такие» (ВХ-2).

В некоторых рассказах жизнь заключенных предстает достойной зависти: «У них все удовольствия были, наши люди это так не едали и не сыпали. У них все полированные коечки были, столики» (ВХ-1). Быт заключенных описывается в позитивном ключе: «Там с большими сроками сидели... их силой не заставляли [работать], а попробуй не накорми их, они бы такой шум подняли... Так кто работает-то, там у них паек был. Не обижались они» (ВХ-9). Пребывание в таком месте комфортно: «они спокойно там работают, делают все, пилорама пилит, они там лес таскают, пилят» (ВХ-7). Кульминацией счастливой жизни в ИТК звучит: «Политзаключенные не работали» (ВХ-2). Лагерная жизнь наделяется элементами нормальности: «Они даже учились, они выписывали, очень много газет приходило» (ВХ-2); «они там как у Христа за пазухой жили, у них там все удовольствия были» (ВХ-9). За этим высказываниями проступает идеал жизни простого человека – высыпаться, нормально питаться и не ходить на тяжелые принудительные работы.

Подневольный труд. Специфический образ сформировался не на пустом месте. Невзирая на расспросы интервьюеров об ИТК, местные жители продолжают демонстрировать картину собственной жизни, где бытовые трудности полностью уничтожают способность обращать внимание на других: «Я девчонкой была, нам лагеря-то не нужны... Я на торфу да везде работала, меня везде гоняли на работы-то, так не до этого было. Придешь с работы-то, поесть тебе надо, да не хочешь, устанешь так. Всего пережито. Когда и хлеб есть, да не хочется, уставали» (ВХ-11). Они настойчиво переводят разговор с лагеря на себя: «Мне 16 лет стало, лагерь убрали, как меня поставили чернорабочей, дома лагерные были, бараки, стали ставить квартиры. Которые постарше были меня женщины, тогда известкой все белили потолок, эти женщины, я как сейчас помню все, я была маленькая, бравая, красивенькая, руки изъедало известью, там известка была крепкая, в керосине вымоем. Проедало все» (ВХ-55). В большинстве рассказов подчеркивается тяжесть и недобровольный характер внелагерного труда: «Сюда пришла дояркой, больше двадцати годов проработала. Шестнадцать исполнилось, на лесозаготовки угнали. В лаптях пять зим ходила» (ВХ-21); «Выходных не было, девочки. Если надо что-то, отпрашиваешься у бригадира. Без выходных работали, особенно летом...» (ВХ-5); «На лошади я работала. Три зимы, зиму я ходила, пилили, заставляли, это сейчас так, а тогда заставляли работать. А много ли было мне годов-то? Мало было мне годов-то. Меня отправили, а что я там» (ВХ-29). Никто из опрошенных жителей деревень не солидаризовался с позицией одного из экспертов, признавшего, что «мне было очень стыдно тогда, что я безмятежно жил в Советском Союзе в то время, когда другие... за свои убеждения страдали» (ВХ-77). Другой эксперт обратил внимание на различия в историческом опыте: «Когда я смотрю, как питался заключенный в сорок третьем году, для меня это шок и у меня куча эмоций, как это плохо. Но если вольный человек точно так же питался, это как-то перебивает суть моего рассказа» (ВХ-78).

Лагерь, колония возникают в жизненных историях колхозников не в том качестве, в каком (вероятно) этого ожидали интервьюеры, ориентированные, как подчеркнуто ранее, на сбор исторических фактов, дополняющих отрицательный образ. С работой в ИТК местные жители, особенно женщины, связывают возможность улучшения условий труда и некоторого продвижения вверх по социальной лестнице: «Выгоднее там было работать? – Конечно выгоднее, чем в колхозе... В штабе я техничкой пол мыла... Я уходила полпятого утром и до двенадцати дня» (ВХ-8); «В школе я работала года четыре, потом по болезни вынуждена была уйти в Ныроблаг, в лагерь. Сначала я работала корректором в типографии, потом заведующей типографией, потом управление у нас здесь было закрыто, передано Соликамску, и я работала завбиблиотекой в Ныробе и одновременно завклубом» (ВХ-40). Другие исследователи отмечали позитивную оценку жизни в лагере заключенными крестьянами: одна из сельских жительниц говорила, что ее память о тюрьме осталась светлой: «Поправилась, стала белая. Гладкая» [Кознова, 2000: 135–136]. В одном рассказе о конкретном человеке поднят вопрос, что для мужчин работа надзирателя часто

рассматривалась в качестве социального лифта, хотя довольно специфического: «Деревенский парень, который еще в пятидесятые годы пошел служить по призыву, и потом ему совсем не хотелось возвращаться в деревню, и ему сказали: а хочешь, иди контролером, будешь в городе... и он согласился, подписал какие-то бумаги и оказался охранником в колонии, в такой же деревне примерно, из какой он хотел сбежать» (BX-78).

Бродячие сюжеты. Незначительное число респондентов делилось воспоминаниями о лагере в несколько неожиданном ключе. Интерес к теме проявляется только, если репрессии стали частью семейной истории, но не на уровне фактов, а через использование «страшилок» – без имен, адресов и мест: «Было собрание, помню. Стоял бюст Сталина, по-моему. Народу всегда собиралось в клуб очень много, какой-то мужчина толкнул этот бюст, он, видимо, упал, да и разбился. Ночью приехали и уже его забрали, и с концами. Бывает, что слово какое-то скажешь, ведь, вы знаете, тяготы жизни на каждом отражаются, а раньше было – вот что-то скажешь против, хоть одно слово... даже брат мог донести на брата» (BX-2). Распространены рассказы о единственном слове, ставшем основанием для репрессий: «сказал слово – его туда... конечно, ни за что» (BX-5). Вполне возможно, что источником подобного рода историй стало услышанное по телевизору в начале 1990-х гг. Напомним, что политической данная ИТК стала в 1972 г., когда тема ареста «за анекдот», «за одно слово» была неактуальна.

Узкий сегмент интервью повествует об отрицательных моментах жизни лагеря, о насилии: «Наши охранники их тоже здорово избивали... Рассказывали они вот... Например, сегодня вызывали солдат, положили заключенных в снег, заставили какое-то время лежать, потом бегать, потом снова положили... кормить там не кормили... за малейшую провинность можно было обратно вернуть в лагерь... Он придет на освобождение, там же комиссия, бывает, что подстригся не так... и как-то маленько расслабился...» (BX-2). Такие нарративы включают в себя как представления о справедливом наказании: «мы-то думали, раз колония, ну, так преступники там» (BX-13), так и популярные постсоветские политизированные сюжеты: «мы думали, что это делается как-то помимо воли Сталина... И почему-то к тем людям, которых забирали, относились уже как к врагам народа... Даже детей считали. Вот так мы были воспитаны... Закон есть закон» (BX-2). К жизни конкретной ИТК все это вряд ли имело прямое отношение, но вполне вероятно, респонденты, основываясь на общем подходе СМИ к политическим репрессиям, приблизительно понимали, что хотят услышать от них интервьюеры.

Отношение к мемориальному музею. Большинство жителей окрестных деревень видят в музеификации бывшей ИТК пустую трату денег: «Не знаю, кому это надо, неужели кто-то поедет смотреть на это... ну зачем... что там создавать, кроме этих бараков, и кто их будет охранять, только лишние деньги на ветер бросать» (BX-6); «А у нас никто и не бывал там... некоторые говорят: зачем это, не нужно вроде... Когда в живых нет никого... дак конечно... это... разобраться..., зачем такие деньги бухают, когда люди с голоду вот умирают» (BX-1). Эксперт, присутствовавший при строительстве музейных зданий, вспоминает, что местные жители «над нами посмеивались, честно говоря, что сумасшедшая молодежь зачем-то приехала сюда, копаются в этом» (BX-72). Другой эксперт рассказал, что на стадии формирования экспозиции музея один из сельских жителей принес портрет Сталина, который после закрытия колонии «стащил» из клуба, и был радостно удивлен, получив за артефакт, лишенный в его глазах какой-либо потребительской ценности, «целую бутылку» (BX-74). Колония для местных не была «сверхъестественным» (BX-6) и вообще достойным внимания объектом.

Вердикт местного населения однозначен: «Это лишнее... на колонии музей делать – это лишнее» (BX-2) или «сделали сейчас там показуху» (BX-9). Создателям музея респонденты приписывали и корыстные намерения, и отсутствие истинного исторического чувства: «У нас, знаете, как про это говорят, только вы об этом не сообщайте никому. Это опять, видать, какому-то большому начальнику надо дачу там построить, так, чтобы это было неофициально, приедут, попируют, да в бане попарятся, да охотой позанимаются, чтоб было место, где привал устроить, есть возможность, вот и поют, мол, место для себя... а как на самом

деле... кто его знает» (ВХ-6); «А для нас он хоть будь, хоть нет, чо он толку, музей. Это просто в карман деньги идут кому-то, вот и музей сделали. А нам он ноль внимания, нам он не нужен. Музей бы делали, как люди воевали да погибали, вот это музей, а это что делают? Кому неохота на войну идти, дезертиры, да и сиди он тут» (ВХ-9). Мемориальный музей иногда воспринимается не как реконструкция реальности, а как мистификация. Свидетельства тех, кому местные жители безусловно доверяют, опровергают заложенное в экспозицию послание: «У меня там сноха работала все время секретарем у начальника отдела кадров, и она говорит, что тот, кто там пишет это все, совсем этого не было» (ВХ-9).

Симптоматично, что позиция жителей окрестностей, их «травма» никак не представлена в экспозиции. Место нашлось позиции охраны – восстановлено рабочее место контролера. Более того, один из бывших надзирателей² активно участвовал в создании музея – по воспоминаниям экспертов, «над нами насмехался всячески, что мы такие романтические идиоты приехали... был главным по пилораме, обеспечивал технику безопасности» (ВХ-72), но при этом «рассказал, что он много что охранял... от него всё узнали [о жизни колонии]» (ВХ-70). Один из экспертов высказался в пользу экспозиции, созданной бывшим надзирателем на частной квартире, как более репрезентативной, чем официальный музей: «Там быт людей; и быт заключенных, и быт простых людей, которые жили в этом поселке... он собирал все, что можно собрать, показывающее, как жили и в лагере, и вне лагеря» (ВХ-79)³. Другой эксперт, согласившись, в принципе, что «если я говорю о заключенных, а как жили на воле в это же время? Если жили плохо в зоне, хорошо ли жили на воле... и мы это не учитываем», добавил, что «надо этот контекст как-то обязательно приносить, хотя бы в экскурсии, пока этого нет в выставках» (ВХ-78).

Выводы. «Могут ли угнетенные говорить?» – вопрос, поставленный Г. Спивак [2001], сохраняет актуальность. Анализ нарративов, собранных среди жителей деревень, окружающих ИТК, показывает, что могут, но особым способом, так как сторонами диалога являются не те, кто предстает ими на первый взгляд. И содержание бесед становится другим. В диалоге между рассказывающим и слушающим предстают не сотрудники музея с диктофонами, а современная респондентам власть, которой адресуются скрытые упреки и претензии. Местные жители, побуждаемые рассказывать о маловажной для них ИТК, пытаются говорить о себе – своих проблемах, болезненных точках, недостатках. Они – включая тех, кто работал в лагере или колонии по временному найму, – отрицают, что являются/являлись «свидетелями» чего-либо. В их воспоминаниях колония предстает либо непроницаемым объектом, который не обладает лично для них никаким смыслом, либо как упорядоченное место, жизнь которого респонденты противопоставляют собственным материальным трудностям. Такое восприятие не зависит от уровня осведомленности о реальной истории ИТК, собрать факты о которой были заинтересованы интервьюеры. Возникающий нарратив формируется как мифологический, что подразумевает прекрасную сохранность памяти об отдаленных событиях [Кознова, 2000: 33, 110] и исключает то, что не определяет жизнь крестьян. Устная история, в данном случае, формирует не столько память о месте, сколько мифообраз. Коллективная память не маркер принадлежности именно к крестьянству, так как зависит от условий жизни в конкретной местности. Сельское здесь проявляется в многослойности сознания респондентов и его способности совмещать несовместимое [там же: 29].

Если колония представляла для местных жителей чуждый **пространственный** объект, то музей они воспринимали как посягательство на собственную историю, на **время**. Экспозиция исключает их, подчеркивает неважность пережитых ими страданий. В данном случае можно провести параллель с современным глобальным процессом трансформации музеев через введение в экспозицию не просто информации о ранее исключенных группах, но такой информации, которую они сами желали бы о себе сообщить

² Иван Кукушкин.

³ После смерти основателя музей труднодоступен для осмотра.

[Lonetree, 2021]. На наш взгляд, назрела необходимость в пересмотре сложившегося подхода к мемориализации тематики травмирующих событий XX в. и в нашей стране. Эксперт, ранее работавший экскурсоводом, приводит случай из своей практики: «Я там живописую как плохо живут заключенные в годы войны, привожу им... сколько они ели... а группа у меня была – ветераны войны из Чусового... посмотрели и говорят: мы работали, были двенадцати-тринадцатилетними детьми, и меньше ели» (ВХ-78). Речь, разумеется, не о конкретных музеях, а в целом о подходе к национальной исторической памяти, из которой случайно или намеренно исключены целые пласты групповых воспоминаний.

Парадокс: отказываясь от свидетельства, местные жители все же его приносят. Они свидетельствуют о собственной жизни, которая в определенные исторические периоды мало отличалась от жизни в лагере (тяжелый подневольный труд на лесозаготовках и других опасных производствах), а иногда была – в их субъективном восприятии – даже хуже, а лагерь выступал чем-то вроде индустриально-потребительской утопии. Но травмирующий опыт, пережитый ими, никому не интересен, и они вынуждены говорить о нем окольным путем, превращая интервью в «неудачные», так как ничего нового о лагере там не сообщается. В отношении данной ИТК не сложилось системы коллективной памяти, которая определяла бы принципы и границы восприятия. Зато сообщается другое – существует целый социальный слой, обозначенный внешними наблюдателями в качестве «свидетелей», у которого нет возможностей для осознания и конструирования собственной версии культурной травмы. Соответственно, вклад этого слоя будет постоянно отсутствовать, образуя лакуну в национальном осмыслении трагических событий прошлого, препятствующую выработке концепции общенациональной судьбы. По нашему мнению, эффективная политика памяти не может быть разработана без учета данной лакуны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабашкин В.В. Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. Междунар. кр. ст. (12 ноября 2010 г., Москва) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 70–79.
- Богатова О.А., Митрофанова А.В., Рязанова С.В. Мордовский поселок как место и сообщество исторической памяти: коллективные нарративы и репрезентации // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 4. С. 402–417. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.402-417.
- Гончарова И.В. Власть и крестьянство в конце 1920-х гг. (по материалам Центрального Черноземья) // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. Междунар. кр. ст. (12 ноября 2010 г., Москва) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 153–163.
- История сталинизма: крестьянство и власть: Мат. Междунар. науч. конф. (29 сентября – 2 октября 2010 г., Екатеринбург). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Кознова И.Е. Крестьянская память о власти в современной России // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. Междунар. кр. ст. (12 ноября 2010 г., Москва) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 213–222.
- Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000.
- Колева Д. Памет и справедливост: лични спомени и публични разкази за комунизма. София: CIELA, 2020. (На болг. яз.)
- Митрофанова А.В., Рязанова С.В., Пляйс Я.А. Место как палимпсест событий и интерпретаций в политике памяти (на примере музея «Следственная тюрьма НКВД») // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 3–16. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-3-16.
- Обухов Л.А. «...Есть генералы, полковники и подполковники». История колонии для работников правоохранительных органов в пос. Кучино Молотовской (Пермской) области // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Мат. VIII междунар. науч. конф. (15–17 октября 2015 г., Екатеринбург). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2016. С. 178–186.
- Обухов Л.А. История одной колонии (Лесная ИТК-6. Первый кучинский период, 1946–1953) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2010. Вып. 1(13). С. 40–47.
- Прохоров В.Е. Сермяжные истории жителей бывшей Комарицкой волости. Брянск: Белобережье: Гр. комп. «Десяточка», 2009.

Рязанова С.В., Митрофанова А.В. Палитра мест памяти о политических репрессиях: монументы и контр-монументы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 152–162. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-3-152-162.

Спивак Г. Ч. Могут ли угнетённые говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.

Щербакова И. Л. Память о сталинизме в культуре 1950–1970-х гг. // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: Мат. Междунар. науч. конф. (18–20 октября 2012 г., Санкт-Петербург). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. С. 21–40.

Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B. et al. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, CA: University of California Press, 2004.

Boltanski L. Distant Suffering: Morality, Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Lonetree A. Decolonizing Museums, Memorials, and Monuments // The Public Historian. 2021. No. 4(43). P. 21–27. DOI: 10.1525/tp.h.2021.43.4.21.

Mayring Ph. Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken. Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 1983.

Статья поступила: 09.03.23. Принята к публикации: 23.05.23.

CORRECTIVE LABOR COLONY 'PERM-36' IN THE MEMORY OF NEIGHBOURING VILLAGES RESIDENTS

RIAZANOVA S.V.^{***}, MITROFANOVA A.V.^{****}, ^{****}

^{*}Institute for Humanitarian Studies of PFRC UB RAS, Russia; ^{**}Perm State Agro-Technological University, ^{***}Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; ^{****}Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Svetlana V. RIAZANOVA, Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute for Humanitarian Studies of PFRC UB RAS, Prof., Perm State Agro-Technological University, Perm, Russia (svet-ryazanova@yandex.ru); Anastasia V. MITROFANOVA, Dr. Sci. (Pol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (avmitrofanova@fa.ru).

Acknowledgements. The research was funded by the RSF, project № 22-28-00836.

Abstract. Conceptually the article is built upon cultural trauma theory. The study, based on a qualitative analysis of interviews conducted in the late 1990s, reveals specific distinctions of the collective memory of villagers in the proximity of a former corrective labor colony for political detainees in Perm Krai, on the site of which the Memorial Museum and Reserve of the Political Repression History "Perm-36" currently works. The interviewers found out that the locals refuse to play the role of witnesses to the colony's life, and that it exists in their memory rather as an alien and non-transparent object. Therefore, formally speaking about detainees, local residents actually talk about themselves, creating an image of their own life with forced labor, everyday hardships and shortages, which, in some historical periods, did not differ much from life in the labor camps. By contrast, the colony is represented in their collective memory as a well-organized and rich enterprise, and the life of detainees looks like deserving envy. Working there in the eyes of the local residents is sometimes associated with the possibility to improve one's labor conditions and to move up the social ladder. The few relatively detailed narratives, most likely, originate from mass media of the early 1990s, when the topic of Soviet repression was broadly discussed. Most of the collective farmers view the museumification of the colony as meaningless, considering it a fraud and a waste of money. Exhibits of the memorial museum, where their vision is not presented, are seen by the locals as an encroachment on their own history. Encouraged by the interviewers to talk about the colony that is unimportant for them, villagers try to narrate about themselves, denying that they are "witnesses" to anything. These particular cases discussed in the article demonstrate that entire social groups (for example, the peasantry) are excluded from the national historical memory, and that such groups have to bear testimony of their traumatizing experience in an indirect way. The authors conclude that the routine approach to commemorating political repressions needs to be reconsidered in order to work out a comprehensive memory politics, because as long as the above-mentioned groups remain deprived of the opportunity to theorize and to construct their own version of cultural trauma, it remains impossible to create a common national narrative that makes sense of the XX century repressions.

Keywords: political repression, Perm-36, cultural trauma, collective memory, testimony, memory politics.

REFERENCES

- Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Babashkin V.V. (2011) Peasants, postpeasants and power in the 20th century: mutual strategies of adjustment. In: *Peasantry and power in Russian history of the 20th century*. Coll. of art. of the Intern. roundtable (November 12, 2010, Moscow). Ed. by P.P. Marchen', S.Yu. Razin. Moscow: APR: 70–79. (In Russ.)
- Bogatova O.A., Mitrofanova A.V., Riazanova S.V. (2022) A Mordovian settlement as a site and community of historical memory: collective narratives and representations. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World]. Vol. 14. No. 4: 402–417. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.402-417. (In Russ.)
- Boltanski L. (2020) *Distant Suffering: Morality, Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goncharova I.V. (2011) Power and peasantry in the end of the 1920s (based on materials from the Central Chernozem region). In: *Peasantry and power in Russian history of the 20th century*. Coll. of art. of the Intern. roundtable (November 12, 2010, Moscow). Ed. by P.P. Marchen', S.Yu. Razin. Moscow: APR: 153–163. (In Russ.)
- Koleva D. (2020) *Memory and Justice: Private Memories and Public Narratives about Communism*. Sofia: CIELA. (In Bulgar.)
- Koznova I.E. (2000) *XXth century in the social memory of Russian peasantry*. Moscow: IF RAN. (In Russ.)
- Koznova I.E. (2011) Peasant memory about power in contemporary Russia. In: *Peasantry and power in Russian history of the 20th century*. Coll. of art. of the Intern. roundtable (November 12, 2010, Moscow). Ed. by P.P. Marchen', S.Yu. Razin. Moscow: APR: 213–222. (In Russ.)
- Lonetree A. (2021) Decolonizing Museums, Memorials, and Monuments. *The Public Historian*. Vol. 43. No. 4: 21–27. DOI: 10.1525/tpb.2021.43.4.21.
- Mayring Ph. (1983) *Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken*. Weinheim und Basel: Beltz Verlag.
- Mitrofanova A.V., Ryzanova S.V., Plais Ya. A. (2022) Place as a Palimpsest of Events and Interpretations in the Politics of Memory (On the Example of the NKVD Investigative Prison Museum). *Izvestia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Herald of Tula State University]. No. 2: 3–16. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-3-16. (In Russ.)
- Obukhov L.A. (2010) The History of One Colony (Lesnaya ITK-6. The First Kouchino Period, 1946–1953). *Vestnik Permskogo Universiteta. Ser.: Istoriya* [Bulletin Perm University. History]. Vol. 1. No. 13: 40–47. (In Russ.)
- Obukhov L.A. (2016) «...There are Generals, Colonels, and Subcolonels». The History of a Colony for Employees of Law-protecting Bodies in the Settlement of Kouchino, Molotov (Perm) Oblast. In: *After Stalin. The Reforms of the 1950s in the Context of Soviet and Post-Soviet History*: Mat. of the 8th Inter. Scienif. Conf. (Yekaterinburg, October 15–17, 2015). Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. Eltsina». (In Russ.)
- Prokhorov V.E. (2009) *Authentic stories of the inhabitants of the former Komaritskaya volost*. Briansk: Be-loberezhie: Desiatochka. (In Russ.)
- Riazanova S.V., Mitrofanova A.V. (2022) The Palette of Memory Sites of Political Repressions: Monuments and Counter-Monuments. *Vestnik Permskogo Universiteta. Ser.: Istoriya* [Perm University Herald. History]. Vol. 3. No. 58: 152–162. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-3-152-162. (In Russ.)
- Scherbakova I.L. (2013) Memory about Stalinism in the Culture of the 1950s–1970s. In: *The History of Stalinism: Living in Terror*. Mat. of the International Academic Conference. (St. Petersburg, October 18–20, 2012). Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. Eltsina»: 21–40. (In Russ.)
- Spivak G.Ch. (2001) Can the Subaltern Speak? In: *Introduction into Gender Studies*. P. II. A Reader. St. Petersburg: Aleteiya: 649–670. (In Russ.)
- The History of Stalinism: Peasantry and Power*. (2011) Mat. of the Intern. Scientif. Conf. (Yekaterinburg, September 29 – October 2, 2010). Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. Eltsina». (In Russ.)

Received: 09.03.23. Accepted: 23.05.23.